

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 207–211
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 207–211
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-207-211>, EDN: ZCFFDX

Научная статья
УДК 821.161.1.09-191+929Сумароков

О семантике слова «подлый» в русском языке XVIII–XIX вв. и смысле морали басни Сумарокова «Заяц и Лягушки»

С. С. Егорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Егорова Светлана Сергеевна, аспирант кафедры русского языка, egorova3058@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8650-5784>

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения семантики слова «подлый» в русском языке XVIII и XIX вв. Смысл этой лексемы кардинально менялся с течением времени, о чем свидетельствуют контексты из различных источников (как документальных, научных, так и художественных). В начале XVIII в. слово «подлый» зафиксировано в «Генеральном регламенте» и «Регламенте Главного магистрата», разработанных Петром I; оно использовалось там в качестве социального термина, обозначающего определенные общественные классы. С 1730-х гг. лексема «подлый» также начинает употребляться в стилистическом значении – теперь это характеристика особенностей речи тех «неблагородных» социальных слоев, о которых говорилось в регламентах (речь народа – подлая речь). В этом значении слово фигурирует в трудах Ломоносова, Тредиаковского, Кантемира и др. Однако после издания Екатериной II «Наказа» (1767), который строго регламентировал социальную структуру общества, устанавливал четкие границы классов и их наименования, обобщающее понятие «подлый» оказалось более невостребованным. Но сама лексема не исчезла из языка – она развила новое значение. С конца XVIII в. «подлый» – это морально-нравственная характеристика человека, а также недостойного поступка, неблагородной манеры поведения (так, видимо, поступали, прежде всего, представители тех «неблагородных» социальных классов). Этот новый семантический смысл «подлого» постепенно укореняется в языке и вытесняет предшествующее значение. В Словаре Академии Российской (1789–1794) первым еще зафиксировано социальное значение слова «подлый», вторым – новое, нравственное. В Словаре церковнославянского и русского языка (1847) приоритетность значений изменена: теперь именно морально-этическая семантика слова дана как основная. В лексикографических трудах XX в. «подлый» в значении социального термина вовсе снабжается пометой *устаревшее*. Теоретические положения в статье подкреплены примерами функционирования данного слова в разные периоды в разных значениях.

Ключевые слова: подлый, стилистическая система XVIII в., социальная терминология, простонародное, народная речь, разговорная речь, Словарь Академии Российской, XVIII век, сниженная лексика

Для цитирования: Егорова С. С. О семантике слова «подлый» в русском языке XVIII–XIX вв. и смысле морали басни Сумарокова «Заяц и Лягушки» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 207–211. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-207-211>, EDN: ZCFFDX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

About the semantics of the word “cowardly” in the Russian language of the 18th–19th centuries and the meaning of the moral of Sumarokov’s fable *The Hare and the Frogs*

S. S. Egorova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Svetlana S. Egorova, egorova3058@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8650-5784>

Abstract. The article discusses the problem of studying the semantics of the word “cowardly” in the Russian language of the 18th and 19th centuries. The meaning of this lexeme has radically changed over time – this is evidenced by contexts from various sources (both documentary, scientific, and artistic). At the beginning of the 18th century, the word “sneaky/cowardly” was fixed in the *General Regulations and Regulations of the Chief Magistrate*, developed by Peter I; it was used there as a social term denoting certain social classes. Since the 1730s the lexeme “cowardly” is also used in a stylistic sense – now it is a characteristic of the speech features of those “ignoble” social strata that were mentioned in Peter’s Regulations (the speech of the people is cowardly speech). In this sense, the word appears in the works of Lomonosov, Trediakovsky, Kantemir, etc. However, after the publication of Catherine II’s *Mandate* (1767), which strictly regulated the social structure of society, established clear boundaries of classes and their names, the generalizing concept of “cowardly” turned out to be no longer necessary. But the lexical item itself has not disappeared from the language – it has developed a new meaning. Since the end of the 18th century “cowardly” is a moral characteristic of a person, as well as of an unworthy act, an ignoble manner of behavior (this, apparently, was typical, first of all, for the representatives of those “ignoble” social classes). This new semantic meaning of “cowardly” gradually took root in the language and displaced the previous meaning. In

the *Dictionary of the Russian Academy* (1789–1794) the first meaning recorded is still the social meaning of the word “cowardly”, the second – a new, moral one. In the *Dictionary of Church Slavonic and Russian* (1847), the priority of meanings has been changed: now the moral and ethical semantics of the word is given as the main one. In the lexicographical works of the twentieth century, “cowardly/sneaky” in the meaning of the social term is even marked as obsolete. The theoretical provisions in the article are substantiated by examples of this word’s functioning in different periods in different meanings.

Keywords: cowardly, stylistic system of the 18th century, social terminology, plain countryfolk, folk speech, colloquial speech, *Dictionary of the Russian Academy*, the 18th century, substandard vocabulary

For citation: Egorova S. S. About the semantics of the word “cowardly” in the Russian language of the 18th–19th centuries and the meaning of the moral of Sumarokov’s fable *The Hare and the Frogs*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 207–211 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-3-207-211>, EDN: ZCFDX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Мораль басни А. П. Сумарокова «Заяц и Лягушки» (ок. 1760 г.) звучит так: «Кто подлым родился, пред низкими гордится, а пред высокими он, ползая, не рдится» [1, с. 207]. Концептуально смысл нравственного вывода не вызывает сомнений, однако при дословном анализе проявляется некая терминологическая неясность относительно социальных категорий, принадлежащих к «подлым», с одной стороны, и к «низким» – с другой. Целью данной статьи является изучение семантики слова «подлый» и прояснение смысла заключительных строк басни.

Лексема «подлый» зафиксирована в официальных документах начала XVIII столетия («Генеральный регламент» и «Регламент, или Устав Главного магистрата» Петра I), теоретических работах по филологии авторства Тредиаковского, Ломоносова, в лексикографических трудах Татищева и работах по истории Шаховского, а также текстах художественной литературы (в произведениях Сумарокова, Кантемира, Фонвизина, Крылова, Эмина), статьях по литературной критике и частной переписке. В Национальном корпусе русского языка представлено более 50 упоминаний слова «подлый» в текстах XVIII в.

Семантика «подлый» в этот период продемонстрировала некоторую неоднозначность, а в дальнейшем – в XIX и XX вв. – смысл слова вовсе изменится. В Петровское время и последующие почти 100 лет «подлый» – это, в первую очередь, термин социальный («подлый народ», «подлая чернь», «класс подлейших», но это не морально-нравственная характеристика), во вторую – стилистический.

Неоднозначность термина состоит в том, что область его покрытия распространялась на разные общественные классы – лексема употреблялась то в широком, то более узком значении. Нечеткость понимания того, кем являются «подлые люди», обусловлена отсутствием до 70-х гг. XVIII в. детерминированных сословных границ и единой терминологии.

Существуют и разные трактовки этого понятия в контексте «Регламента Главного магистрата» Петра I (1721 г.). С одной стороны, «подлыми» считались все «неблагородные» классы городского населения, т.е. купцы 1-й и 2-й гильдий (из «регулярных» граждан) и работающие по найму крестьяне (из «нерегулярных»): «...из которых первой гильдии или первостатейные состоят, и **от другого подлого гражданства** привилегиями... суть отменны; яко банкиры, знатные купцы... аптекари, лекари... Во второй гильдии, которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуют, также рукомерленные... **Прочие же все подлые люди**, обретающиеся в наймах и в черных работах...» [2, с. 192–193]. Это широкое понимание термина, в соответствии с которым «подлый народ» – люди непривилегированные или полупривилегированные, противопоставленные благородным и знатным. Эти сословия платили посадские подати. Данная семантика поддерживается следующими литературными и документальными контекстами XVIII в.:

«Гнусно дворянину завидовать благополучию **подлейших** себя» (1729 г.) [3, с. 368];

«При каждой коллегии надлежит двум прихожим каморам быть... чтоб люди знатного характера (или чина) от **подлых** различены были» (1720 г.) [4, с. 131].

Аналогичную семантику утверждает историк XIX в. М. О. Коялович, говоря, что *шляхетство* «перешло к нам при Петре из Польши и повлекло за собою... антитез – **подлый народ**» [5, с. 345].

С другой стороны, в ряде иных источников XVIII в. «подлыми» признаются исключительно низшие слои «нерегулярного» городского населения (т.е. купцы исключаются из ранга «подлых»). Это узкое понимание термина «подлый». Оно используется Ключевским в лекции о реформах Петра I: «Все рабочие люди, живущие наймом и черной работой, отнесены к третьему классу – **подлых людей**, которые... “к знатным и регулярным гражданам” не причислены» [6,

с. 171]. Согласно этой точке зрения, «подлые» – это выходцы из крестьянства, имеющие дополнительный заработок в городе, также крестьяне, принадлежащие фабрикам и заводам, беглые и др. Примеры контекстов XVIII в., подтверждающих данную семантику:

«Город есть место... в котором многие дома разных чинов, яко военные и гражданские служители, купечество, ремесленники и **чернь или подлой народ**» (1744–1746 гг.) [7, с. 62];

«...**песнях подлых**, без всякого складу и ладу... таковые песни изображают вкус тогдашнего века, но **не народа, а черни**...» (1788 г.) [8, с. 60].

В указе Сената (1744 г.), изданном во времена правления императрицы Елизаветы, «подлые» люди противопоставлены солдатам, разночинцам и «знатным» («...казенную соль в лавках продавать одному только крестьянству и прочим **подлым** людям... солдатам из лавок не продавать... также... в знатные дому и разночинцам...» [9, с. 307].

В некоторых случаях «подлый» применяется по отношению ко всем представителям низших сословий, всему крестьянству: «*Подлинный ты мужик*... сокращается в новое, модное в XVIII веке слово *подлый*: народ – **подлые люди**, речь народа – **подлая речь**» (1868 г.) [10, с. 245].

Тем не менее в большинстве случаев лексема «подлый» существовала в парадигме городских сословий. В целом она противопоставляла называемый ею класс, прежде всего, шляхетству, но также дифференцировала «подлых» от широких масс бесправного помещичьего крестьянства. Данная трехступенчатая социальная дифференциация, на наш взгляд, может прояснить смысл морали басни Сумарокова, о котором мы упоминали в начале статьи: «подлые», располагаясь в социальной иерархической структуре несколько выше широких масс неимущего крестьянства, тем не менее, не принадлежали к обществу привилегированных и знатных; Заяц, будучи трусливым по своей природе, тем не менее, имел превосходство над Лягушками («Я трус, однако без войны я дал лягушкам туз») [1, с. 207].

Этимологически слово «подлый» возводится, вероятно, к польскому языку – такая концепция выдвинута А. Г. Преображенским и поддержана М. Фасмером («“Подль” заимствовано, кажется, из польского *rodly* в смысле “простонародный”» [11, с. 86–87] и [12, с. 298].

П. Я. Черных возводит слово к праславянскому корню «*rod-, суф.-ьl – со старшим знач. – “исподний”, “низкий” (нижний), “наземный”... Отсюда знач. “простой”, “простонародный”» [13, с. 49].

Иерархическая структура государства и общества оказалась соотнесенной со стилистической характеристикой языка, что находит отражение в известном со времен античности разделении на высокий, низкий и средний стили. В переводе Тредиаковского и произведениях Кантемира усваивается традиция использования социальных терминов для названия языковых стилей и стилистических единиц («И к хвале той негоден, слаб **стиль** твой **подлейший**...» (1730-е гг.) [14, с. 267], «Равно и простой народ в некоторых своих песнях... употреблял незначащие ничего слова: здуниной, найнай, здуни. **Подлого народа употребление** сие и ныне еще слышать всякому можно...» (1735 г.) [15, с. 427–428]). Она продолжается и утверждается у Ломоносова («Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить не пристойно, как только в **подлых комедиях**», «Будет всяк уметь разбирать высокие слова от **подлых**...» (1758 г.) [16, с. 474, 476]). «Подлые» слова/ язык/ комедия/ стиль – те, которые, которые содержат языковые особенности речи «подлых» людей.

С появлением понятия «купцы третьей гильдии» (ок. 1742 г.) термин «подлые люди» оказался менее востребованным, а после издания «Наказа» Екатерины II (1767 г.) фактически перешел в разряд историзмов. «Наказ» регламентировал четкую классовость общественного строя, жесткие границы каждого из социальных слоев с соответствующим терминологическим наименованием (также появился термин «мещанин»). «Городовое положение» и «Ремесленное положение» (сер. 1780-х гг.) закрепили строгие межсословные перегородки. В новых реалиях слово «подлый» оказывается невостребованным; по традиции оно фиксируется на протяжении XIX в., однако интенсивность его использования отчетливо снижается. Некоторые примеры:

«...господин Зимовейкин... целовал у Устиныи Фёдоровны ручки, несмотря на скромные уверения её, что **рука** у ней **подлая**, не дворянская...» (1846 г.) [17, с. 317];

«...необходимо различать: во-первых, благородное дворянство, во-вторых, почтенное купечество и, в-третьих, земледельцев и прочих **подлый народ**» (1869–1870 гг.) [18, с. 424].

Однако слово «подлый» не исчезает из языка – оно обнаруживает новый семантический потенциал: на базе старого значения формируется новое, актуальное. «Подлый 1» – социальное значение: низкий, свойственный низшим сословиям, неблагородному классу людей;

«подлый 2» – характеристика нравственная, морально-этическая, обозначающая недостойное, бесчестное поведение, т.е. то, как мог поступать неблагородный, необразованный люд.

Смена приоритетности значений отражена в САР1 (1789–1794 гг.) и СЦСРЯ (1847 г.) и текстах рубежа XVIII и XIX вв.: «Выражение **подлый язык** есть остаток несправедливости того времени, когда говорили и писали **подлый народ**; но ныне... *подлого народа и подлого языка нет у нас! А есть... подлые мысли, подлые дела*» [19, с. 489].

Второе значение входит в активный словарный состав языка, полноценно развивает свой потенциал в течение первой половины XIX в., практически полностью вытесняя к XX столетию прежнюю семантику. В Национальном корпусе русского языка в текстах второй половины XVIII в. новое значение отмечено менее 10 раз, в текстах первой половины XIX – уже около 40 раз, а второй половины XIX – более 200. Примеры новой семантики:

«Человек бывает низок состоянием, а **подл душою**» (1783–1784 гг.) [20, с. 226];

«Ибо чернь, **подлый народ**, суть не низкого состояния человеки, но подло мыслящие и порочные люди» (1783 г.) [21, с. 482].

В словарях XX в. прежнее – социальное – значение сопровождается пометой «устаревшее», а в более поздних лексикографических источниках вовсе отсутствует.

Таким образом, лексема «подлый» активно употреблялась в XVIII в. в качестве социально-го термина, называющего людей «незнатных», непривилегированных сословий (как правило, в рамках городских общественных классов); именно эта семантика проявлена в финальных строках упомянутой басни А. П. Сумарокова. Кроме того, слово «подлый» могло использоваться как стилистическая характеристика речи представителей соответствующих сословий («подлая речь», «подлые слова», «подлый стиль»). Во второй половине столетия под влиянием историко-культурных факторов семантика «подлого» начинает меняться. После введения ряда регламентов и «Наказа» Екатерины II структура общества обретает строгую иерархичность и четкие сословные границы, в связи с чем обобщенное понятие «подлый» оказывается невостребованным. Слово, однако, не исчезает из языка – оно обнаруживает новый семантический потенциал; «подлый» с конца XVIII в. и по настоящее время – это обозначение определенного морально-нравственного качества человека или его поступка.

Список литературы

1. Сумароков А. П. Заяц и Лягушки // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1957. С. 207. (Библиотека поэта).
2. Регламент или Устав главного магистрата // Реформы Петра I : сб. документов / сост. В. И. Лебедев. М. : Гос. соц-экон. изд-во, 1937. С. 187–206. (Документы и материалы по истории народов СССР).
3. Кантемир А. Д. Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных // Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1956. С. 368–377.
4. Генеральный регламент или устав, но которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданейше поступать имеют // Реформы Петра I : сб. документов / сост. В. И. Лебедев. М. : Гос. соц-экон. изд-во, 1937. С. 108–135. (Документы и материалы по истории народов СССР).
5. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд-е 3-е. С.-Пб. : Типография А. С. Суворина, 1901. 593 с.
6. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 4. Курс русской истории (Лекция 67). М. : Мысль, 1989. 398 с.
7. Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской : в 3 ч. С.-Пб. : Типографии Горного училища, 1793. Ч. 2 [Г–Ж]. 216 с.
8. Болтин И. Н. Примечания на историю древнюю и нынешнюю России Г. Леклерка : в 2 т. С.-Пб. : Типографии Горного училища, 1788. Т. 2. 558 с.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 29 т. 1-е изд. Т. 21. М. : Унив. тип. (Катков и К), 1871. 379 с.
10. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. С.-Пб. ; М. : Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1868. 320 с.
11. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка : в 3 т. Т. 2 (П–С). М. : Типография Лисснера и Совко, 1914. 420 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Изд. 2-е, стер. Т. 3 (Муза – Сят). М. : Прогресс, 1987. 830 с.
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд., стер. М. : Русский язык, 1999. Т. 2. Панцирь – Ящур. 560 с.
14. Кантемир А. Д. Речь к благочестивейшей государыне Анне Иоанновне императрице и самодержице всероссийской // Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1956. С. 266–269.
15. Тредиаковский В. К. О древнем, среднем и новом стихотворении российском // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М. ; Л. : Советский писатель [Ленингр. отд-ние], 1963. С. 425–450.

16. Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л. : Советский писатель [Ленингр. отд-ние], 1986. С. 473–478. (Библиотека поэта).
17. Достоевский Ф. М. Господин Прохарчин // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Т. 1. Л. : Наука [Ленингр. отд-ние], 1988. С. 308–337.
18. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 8. М. : Художественная литература, 1969. С. 265–434.
19. Виноградов В. В. История слов : Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М. : Изд-во Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова, 1999. 1138 с.
20. Фонвизин Д. И. Опыт российского сословника // Фонвизин Д. И. Собр. соч. : в 2 т. М. ; Л. : Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1959. Т. 1. 684 с.
21. Новиков Н. И. О воспитании и наставлении детей // Новиков Н. И. Избранные соч. М. ; Л. : Гослитиздат, 1951. С. 417–506.

Поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 12.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 12.05.2023